

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАРТЪ, 1883.

ЗА КЛЮЧАМИ ИНДІИ ¹⁾.

ВЪ МАѢ МѢСЯЦѢ 1878 года, на дальней окраинѣ нашего обширнаго государства готовилось событіе. Новые аргонавты, къ досадѣ коварнаго Альбіона,—представитель котораго на берлинскомъ конгрессѣ беззащитно старался умалить значеніе и результаты нашихъ побѣдъ въ долинахъ и на высотахъ Балканъ и подъ стѣнами Карса и Эрзерума,—собирались въ Авганистанъ... за ключами къ воротамъ Индіи. Сначала вопросъ ставился очень серьезно, до того серьезно, что войска туркестанскаго округа начали готовиться къ военному походу въ Авганистанъ, а полковникъ Гродековъ съ двумя киргизами поѣхалъ производить рекогносцировку на Гератъ. Вскорѣ, однако, убѣдились, что боевая тревога преждевременна, такъ какъ дипломатія еще не сдѣлала своего дѣла; поэтому честный мечъ остался въ ножнахъ, и поѣздка за ключами въ Индію предоставлена была льстивому, хитрому слову. Въ Авганистанъ, къ эмиру Ширъ-Али, было послано посольство генерала Столѣтова, которое, подобно многимъ нашимъ дипломатическимъ предпріятіямъ, оказалось бесполезнымъ для насъ, гибельнымъ для эмира и необыкновенно выгоднымъ Англіи, для которой создало предлогъ и поводъ показать еще разъ подвластнымъ ей вассаламъ Индіи свою политическую мощь и свою боевую силу.

Подробности объ этомъ посольствѣ даетъ намъ недавно вышедшая прекрасная монографія доктора Яворскаго, которому приши-

¹⁾ Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—79 гг. Д-ра И. Л. Яворскаго. Два тома. Спб. 1883 г.

лось играть видную роль въ этомъ злополучномъ походѣ русскаго Язона—Столѣтова. Книга д-ра Яворскаго имѣетъ впереди текста извѣстный латинскій афоризмъ: *amicus Plato, sed magis amica veritas*, афоризмъ совершенно неуспокоительный для того, кто привыкъ подъ его охраною встрѣчать пристрастный судъ и живую окраску событій. На этотъ разъ, однако, пришлось пріятно разочароваться ожидая неправды, хотя и нельзя сказать, чтобы изложеніе автора путешествія русскіхъ въ Авганистанъ было вполне безпристрастно. Докторъ Яворскій принималъ слишкомъ живое участіе въ жестокой судьбѣ Ширъ-Али, уготованной нашимъ посольствомъ, чтобы не внести личнаго элемента въ свое описаніе, но этотъ личный элементъ преобладаетъ въ его литературномъ разсказѣ ровно настолько, чтобы не лишить его живости и красокъ, которыхъ каждый въ правѣ требовать отъ очевидца. Безспорно, правдивую исторію посольства по одному сочиненію доктора Яворскаго не напишешь, но какъ историческій матеріалъ оно тѣмъ драгоцѣнно, что въ своихъ личныхъ сужденіяхъ авторъ не переступаетъ границъ порядочности, т. е., жалуясь иногда и даже горько жалуясь,—не клеветаетъ на виноватыхъ. Онъ судитъ подъ часъ близоруко, слишкомъ близко отыскивая причины того ужаснаго положенія, въ которое былъ поставленъ скорѣе обстоятельствами, чѣмъ людьми, но и при этомъ, какъ истинный другъ Платона, старается остаться другомъ истины, насколько это вообще возможно живому человѣку.

Монографія доктора Яворскаго, какъ литературная работа, заслуживаетъ полнаго вниманія; въ ней, кромѣ живого описанія нашего пребыванія въ Кабулѣ и Мазари-Шерифѣ, находится масса историческихъ и географическихъ свѣдѣній, часть которыхъ добыта лично авторомъ во время его путешествія, а часть является заимствованною изъ многочисленныхъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и русскихъ источниковъ. Къ книгѣ приложены маршруты посольства изъ Самарканда въ Мазари-Шерифъ и Кабулъ, составленный Н. А. Бендерскимъ, портретъ Ширъ-Али-Хана, эмира авганскаго, и Сеидъ-Мозафаръ-Эддина-Хана, эмира бухарскаго, также изображеніе загадочныхъ Бамьянскихъ истукановъ.

Пользуясь прекрасною книгою г. Яворскаго, мы постараемся дать краткое изложеніе всѣхъ особенностей, сопровождавшихъ посольство генерала Столѣтова въ Кабулъ, такъ какъ для нашей будущей политики въ центральной Азіи это злополучное путешествіе русскаго генерала въ столицу Авганистана несомнѣнно будетъ имѣть громадное значеніе. Между тѣмъ, детали и перипетіи поѣздки генерала Столѣтова въ Кабулъ, заслоненныя удручающимъ впечатлѣніемъ берлинскаго конгресса, у насъ прошли почти незамѣченными, тогда какъ въ Англии, да и вообще на западѣ Европы, имя нашего посланнаго къ Ширъ-Али генерала сдѣлалось популярнымъ. Каррикатуры, газетныя статьи, брошюры и парламентскіе дебаты,

создавали эту популярность въ то время, когда у насъ имъ никто не интересовался и даже, за исключеніемъ нѣсколькихъ избранныхъ, и не понималъ. Но пора же и намъ воздать дань должному, пора же дать себѣ отчетъ, чего хотѣла наша дипломатія, какъ вели себя члены русской посольской миссіи и что изъ всего этого произошло.

Во всякомъ случаѣ, сказка о походѣ за ключами Индіи—веселая будетъ сказка.

I.

Сборы и подарки.

Нищета народа, рядомъ съ богатствомъ и тщеславіемъ владѣтелей, установила въ Азіи своеобразный режимъ, который съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ правительствомъ подарковъ. Подарками опредѣляется тамъ положеніе человѣка въ обществѣ, его значеніе и его власть въ политическомъ мірѣ.

Немудрено поэтому, что этикетъ подарковъ играетъ такую видную и вліятельную роль во всѣхъ азіатскихъ дипломатическихъ сношеніяхъ. Вообще подарки въ Азіи—прочно и неизбежно установившаяся традиція, а потому неудивительно, что мы, русскіе, столь плохо уживающіеся съ какими бы то не было традиціями, склонные къ самодурству и своеволію у себя дома, и въ Азіи вѣчно попадаемъ въ просакъ изъ-за подарковъ.

И странное дѣло! Расточители вездѣ, гдѣ ненужно быть расточителями, въ Азіи мы дѣлаемся рѣшительными скаредами, разъ намъ приходится отдавать тѣхъ или другихъ тароватыхъ азіатскихъ князьковъ и владѣтелей. Объ этомъ явленіи, которое привело уже къ тому, что намъ дарятъ деньги, и нашихъ подарковъ начинаютъ не принимать не только владѣтельные князья, но даже и ихъ сановники, говорятъ всѣ путешественники послѣднихъ лѣтъ, а многіе изъ служащихъ на азіатскихъ окраинахъ Россіи вторятъ имъ въ своихъ поистинѣ ужасающихъ устныхъ разсказахъ.

— Халаты погубятъ наше дѣло въ Азіи, говорилъ намъ недавно одинъ изъ знатоковъ тамошняго положенія дѣлъ.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, получая кашемиръ, шелкъ или золото, отдавать сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, или больнично-арестантской хламидой!

— Ну, а въ Европѣ, развѣ халатъ, забытый у насъ разбитымъ полчищемъ Мамай, не столь же гибеленъ? спросилъ поэтому поводу одинъ острякъ. Оставляя, однако, вопросъ молодого остроумца безъ отвѣта, мы прямо скажемъ, что при снаряженіи нашей посольской

миссіи въ Кабуль, въ основу снаряженія была положена идея совершенно неблагопрістойной экономіи.

Интелигенцію посольства составляли семь человекъ: начальникъ миссіи, генераль-маіоръ генеральнаго штаба Столѣтовъ, помощникъ его, полковникъ Разгоновъ, топографъ Бендерскій, переводчики—съ персидскаго Назаровъ, съ тюркскаго Замаанъ-бека-Шихалибековъ, съ англійскаго—чиновникъ Малевинскій и докторъ Яворскій. Конвой составляли 22 казака Уральскаго и Оренбургскаго войска,—кажется, немного, и потому, отправляя къ воротамъ Индіи 29 человекъ, право нераззорительно было бы оставить ихъ прилично хотя протяженію, если не величію Россіи. Каково же было снаряженіе миссіи, можно судить по свидѣтельству доктора Яворскаго (получившаго «на подъемъ» 200 руб. и за два мѣсяца по 3 руб. суточныхъ, т. е. всего 380 кредитныхъ), что когда онъ выѣзжалъ изъ Самарканда въ Кабуль, у него оставалось въ карманѣ нѣсколько десятковъ «тенгъ» (тенгъ 20 к. сер.). Если мы предположимъ, что такихъ десятковъ было пять, то и въ такомъ случаѣ у будущаго лейбъ-медика Ширъ-Али-Хана въ первый день путешествія было 10 р. сер. въ карманѣ! Впослѣдствіи, какъ мы скажемъ ниже, доктору Яворскому, вернувшемуся съ посольствомъ Ширъ-Али въ Ташкентъ, пришлось вторично совершить путешествіе въ Авганистанъ въ составѣ отряда самъ 12. О снаряженіи этой экспедиціи, гдѣ онъ былъ старшимъ начальникомъ, авторъ путешествія въ Авганистанъ даетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Принявъ во вниманіе, что въ то время содержаніе было увеличено (такъ докторъ Яворскій, вмѣсто 200 руб. подъемныхъ, получилъ 300 руб., изъ которыхъ однако 16% вычли въ инвалидный капиталъ!), мы не можемъ не покраснѣть передъ слѣдующей смѣтой:

Содержаніе отряда съ 13-го ноября по 1-е января 1879 года:

- 1) Доктору Яворскому по 3 р. въ сутки . . . 144 р.
- 2) Фельдшеру по 50 к. въ сутки 24 »
- 3) Уряднику по 50 к. въ сутки 24 »
- 4) 9-ти казакамъ по 30 к. въ сутки 139 р. 20 к.
- 5) Непредвидѣнные расходы 300 »
- 6) Переводчику по 1 р. въ сутки 48 »

Затѣмъ подъемныхъ:

- 1) Доктору Яворскому 300 р. минусъ 30,2,16=252 р.
- 2) Фельдшеру 80 р.
- 3) Переводчику 100 »
- 4) На наемъ лаучей (проводниковъ) 150 »
- 5) На потерю 15% при размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на бухарскія тенгъи 172 р. 38 к.

Затѣмъ экспедиціи полагалось купить 16 лошадей по 50 руб., и три юламейки по 25 руб.

На содержаніе каждой лошади полагалось по 40 к. въ сутки.

Читая эту по истинѣ постыдную смѣту, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія странности. Канцеляріи, составлявшей смѣту, лучше другихъ было извѣстно, что за 15% потери нельзя было промѣнять русскія кредитки на бухарское серебро, потому что въ то время нашъ рубль стоилъ въ Лондонѣ 61,5, а въ Бухарѣ и у мѣняль Самарканда 60 коп. Почему же на лажъ членамъ экспедиціи было предложено только 15%? Почему же не только отряду доктора Яворскаго было выдано, но и членамъ оставшагося въ Кабулѣ посольства было послано содержаніе кредитными билетами, въ то время, когда въ ташкентскомъ казначействѣ находилось 30.000 тенгъ (6.000 руб.), пожертвованныхъ бухарскимъ эмиромъ обществу «Краснаго Креста»? Почему фельдшеру дали 80 руб. подъемныхъ, а уряднику не дали ни гроша? Наконецъ, почему точное содержаніе казака на чужой сторонѣ было оцѣнено на 25% дешевле содержанія его лошади? Но тутъ не можетъ быть отвѣта, все это канцелярская тайна, изъ разряда тѣхъ, которыя изгадили столько славныхъ страницъ русской исторіи, безъ всякаго разумнаго основанія и безъ всякой пользы.

Изъ этихъ экономическихъ данныхъ о снаряженіи экспедиціи можно уже себѣ представить, какъ былъ рѣшенъ важный вопросъ о подаркахъ. Съ первыхъ же шаговъ миссіи по бухарской землѣ, забота о ея членахъ и прокормленіе ихъ пала на казну нашего тароватаго вассала, эмира бухарскаго. Первымъ принималъ генерала Столѣтова 18-ти-лѣтній сынъ эмира, чиракчинскій бекъ, высланный на встрѣчу посольства почетную депутацію за 40 верстъ съ угощеніями и палатками для отдыха. Въ Чиракчи же «достарханъ» (почетный столъ) бека, предложенный миссіи, состоялъ болѣе чѣмъ изъ 30-ти блюдъ.

Въ отплату за такое угощеніе, гостепріимство и уходъ, генераль Столѣтовъ могъ подарить по «почетному» халату членамъ депутаціи, а самому беку присоединилъ къ халату еще серебряные часы. Взамѣнъ халата и серебряныхъ часовъ, чиракчинскій бекъ прислалъ миссіи семь лошадей, покрытыхъ парчевыми и бархатными пононами, причемъ на нѣкоторыхъ были уздечки, украшенныя бирюзой, семь пачекъ халатовъ, между которыми замѣчались парчевые, шалевые и шелковые. Кромѣ того, къ подаркамъ были приложены сахаръ, леденцы и т. п. угощенія.

Еще роскошнѣе были подарки самого эмира бухарскаго, которому посольство не предложило ничего (по крайней мѣрѣ, г. Яворскій объ этомъ не упоминаетъ). Эмиръ одарилъ миссію разнообразными халатами, кусками бархата и шелковыхъ матерій, поясами, украшенными золотыми и серебряными бляхами и осыпанными би-

рюзой, халатами изъ каракульскихъ мерлушекъ, нѣжныхъ какъ древнее колхидское руно. Но кромѣ этого онъ подарилъ еще семь лошадей, покрытыхъ парчевыми, шитыми золотомъ, попонами, уздечки на которыхъ были оправлены въ серебро и украшены бирюзой и кораллами. Столь же щедро надѣлили генерала Столѣтова и его свиту бекъ каршинскій, которому, по всему вѣроятію, также преподнесли серебряные часы съ халатомъ или безъ онаго!

Вскорѣ послѣ этого наступила очередь нести присланные генераломъ Кауфманомъ подарки къ самому эмиру афганскому. Какимъ же были эти драгоценности, присланныя владѣтельному и независимому князю, престолъ котораго стоитъ у прохода въ страну золота, кашемира и брилліантовъ, князю, активной дружбой котораго мы желали заручиться? Во-первыхъ, трость съ гранатовою рукояткой, покрытая бирюзой сплошь, но бирюзой мѣстной, «коканской», очень низкаго достоинства. Вся трость была неизящной сартовской работы и стояла въ Ташкентѣ 600 руб. Во-вторыхъ, бирюзовый поясъ, вязъ серебряная, застежки золотыя, цѣною въ 400 рублей. Затѣмъ—нѣсколько кусковъ парчи и нѣсколько халатовъ парчевыхъ, бархатныхъ и суконныхъ.

Мало, очень мало, но все-таки еще какъ нибудь справились бы, если бы какой-то экзекуторъ Николаевъ не подгадилъ. Тюки съ халатами и парчей распаковали только въ Кабулѣ (и то хорошо, что догадались) и въ нихъ оказалось «парчи» недостаточно и притомъ весьма посредственной, неспособной выдержать сравненія съ индійской. Кромѣ того, простые суконные халаты, отороченныя позументомъ, точь-въ-точь форменные для подарковъ отъ уѣздныхъ начальниковъ мѣстнымъ аксакаламъ, оказавшіеся въ тючкѣ съ парчевымъ и бархатнымъ халатами, поставили генерала Столѣтова въ великое затрудненіе. Разумѣется, въ Кабулѣ поправить дѣло было немислимо и потому волей-неволей пришлось воспользоваться щедростью бухарца.

Генераль Столѣтовъ взялъ три лучшія лошади, подаренныя ему эмиромъ, приказалъ осѣдлатъ ихъ эффектнымъ бухарскимъ сѣдлами съ парчевыми попонами и взнуздать уздечками, украшенными бирюзой и коралловыми букетами на лбахъ. Въ придачу къ бухарскимъ лошадямъ пошли бухарскіе халаты, которые не заготовлялись русскимъ экзекуторомъ, и потому были настоящіе парчевые, съ золотыми кованными цвѣтами и настоящіе кашемировые. Въ заключеніе, наши миссіонеры сдѣлали складчину и преподнесли одну берданку пѣхотную, другую кавалерійскую, охотничье ружье Ланкастера и револьверъ Смитта и Вессона. Наконецъ, два серебряныхъ сервиза, чайный и десертный, довершили приношеніе. Всего, такимъ образомъ, набралось на 4.000—5.000 рублей.

Немудрено поэтому, что русскій посланникъ, щеголяя бухарскими перьями, въ странѣ, гдѣ послѣднія вѣроятно очень хорошо

извѣстны, невольно поднося свои подарки высказалъ, что земля наша велика и обильна, но бѣдна деньгами, а потому... не взыщите.

Великодушный Ширъ-Али, имѣвшій 20.000.000 рублей доходу во дни полученія этихъ русско-бухарскихъ подарковъ, конечно понялъ намекъ по своему, и на слѣдующій же день прислалъ нашей миссіи 11.000 рупій (9.000 руб.) серебряной монетой, которую, поколебавшись и поломавшись немного, наши миссіонеры принуждены были принять и впослѣдствіи употребить въ свою пользу ¹⁾.

Печальная картина, и тѣмъ болѣе, что всего болѣе виновать... экзекуторъ!

Въ дополненіе къ исторіи подарковъ, нелишнее привести еще слѣдующее.

При вторичномъ отъѣздѣ доктора Яворскаго въ Кабулъ, т. е. когда уже были извѣстны многіе авганскіе офицеры и сановники, оказавшіе чинамъ нашей миссіи неисчислимыя услуги, съ нимъ канцелярія генераль-губернатора послала слѣдующіе серебряные подарки: два бокала по 16 рублей и четыре стакана по 15 рублей (вѣроятно, потому, что не имѣла оффиціальныхъ свѣдѣній о томъ, что магометане вина и водки не пьютъ въ силу религіозныхъ постановленій и потому дарить имъ рюмокъ не слѣдуетъ). Четыре портсигара и двѣ спичечницы (вѣроятно, потому, что оффиціально не узнала о томъ, что авганцы не курятъ папирось, а курятъ изъ кальяна), и наконецъ двѣ сахарницы, всего по ташкентскимъ цѣнамъ Д. Н. Захо на 353 руб.

Весьма интересно, что объ этомъ пишетъ г. Яворскій, въ Кабулѣ уже побывавшій, но въ канцеляріи генераль-губернатора нечислившійся, а потому не имѣвшій возможности повліять на выборъ подарковъ. По его мнѣнію, цѣлесообразными подарками были бы слѣдующіе: часы, ножи перочинные, табакерки и т. п. Между тѣмъ, участь подарковъ въ видѣ бокаловъ, порт-папирось была очень печальна,—ихъ переплавляли въ монету, причемъ 30-ти-рублевый портсигаръ превращался въ 20—30 тенегъ, т. е. приобрѣталъ ничтожную цѣнность 4—6 рублей.

Даже Ширъ-Али поступилъ такъ съ подареннымъ ему Столѣтовымъ сервизомъ: съ бокалами, рюмками и т. п. принадлежностями, и это тотъ самый либеральный Ширъ-Али, который увлекался личностью Петра-Великаго, и въ тайнѣ отъ своихъ право-

¹⁾ Объ этихъ деньгахъ г. Яворскій говоритъ буквально слѣдующее. Впродолженіе нѣсколькихъ дней эти 11 мѣшечковъ лежали въ одной изъ стѣнныхъ нишъ, какъ бы въ пренебреженіи, но потомъ они были, все-таки, прибраны куда слѣдуетъ, а еще потомъ употреблены на дѣло, не имѣвшее ничего общаго съ благотворительностью (стр. 330, т. I). Изъ этихъ денегъ Столѣтовъ заплатилъ за коллекціи авганскихъ товаровъ, купленныхъ въ Кабулѣ, а также за нѣсколькихъ кровныхъ лошадей, купленныхъ при его возвращеніи.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1883 г., т. XI.

вѣрныхъ подданныхъ злоупотреблялъ спиртными напитками! Нечего удивляться, если также поступали и остальные.

Великодушнѣ всего наградила «канцелярія» авганскаго офицера Мосинъ-Хана. Правда, что этотъ превосходный человѣкъ подобно вѣрной собакѣ оберегалъ нашу миссію и днемъ и ночью во время ея слѣдованія въ Кабуль, и правда, что въ трагедію, разыгравшуюся послѣ смерти Ширъ-Али въ Мазари-Шерифѣ, онъ же явился спасителемъ нашего маленькаго отряда, цѣною собственной чести отстаивая честь русскаго представительства отъ покушеній взбунтовавшихся солдатъ и черни, правда, что онъ же помогъ Яворскому и его казакамъ благополучно выбраться изъ города, но зато и «эксекуторъ» смилостивился и пожаловалъ ему золотые часы. Это все-таки «нѣчто», но конечно нѣчто только тогда, когда, по прибытіи въ Кабуль, эти золотые часы не оказались томпаковыми, подобно тому, какъ парча цѣною по 100 руб. аршинъ, назначенная эмиру авганскому, по пріѣздѣ къ его двору оказалась мишурою! О Русь! милая Русь, на которую съ завистью смотритъ Западъ и съ надеждою Востокъ, когда-то ты избавишься отъ эксекутора, преподносящаго бокалы не пьющему, портсигары не курящему, прикосновеніемъ къ золоту превращающаго его въ мѣдь, а приближеніемъ къ плодородному оазису обращающаго его въ пустыню?

II.

Торжественное шествіе въ Кабуль.

2-го іюня, около полудня, миссія въ полномъ составѣ собралась въ Самаркандѣ, въ домѣ генерала Иванова. Казаки толпились вмѣстѣ съ своими лошадьми у воротъ. Авганецъ Раджибъ-Али, караванъ-баши (начальникъ вьючнаго каравана), возился между вьючными животными, а интеллигенція, составлявшая свиту генерала Столѣтова, находилась еще въ кабинетѣ начальника самаркандскаго отдѣла. Въ полдень, послѣ нѣсколькихъ напутственныхъ словъ, сказанныхъ генераломъ Ивановымъ, длинная вереница всадниковъ, съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, и вьючнымъ караваномъ сзади, вытянулась вдоль по Абрамовскому бульвару и черезъ сартовскій Самаркандъ потянулась къ Джаму, отстоявшему отъ Самарканда на 60 верстъ. На слѣдующій день, т. е. 3-го іюня, миссія прибыла въ Джамъ и отсюда безводною степью, тянувшееся на 90 верстъ, хотѣла направиться въ Карши. Но прибывшая депутація отъ бека чиракчинскаго заставила перемѣнить маршрутъ и двинуться сначала на г. Чиракчи, и оттуда уже повернуть къ западу, на г. Карши, гдѣ въ то время находился и эмиръ бухарскій Сеидъ-Мозафаръ-Ханъ.

Высланная къ Джаму депутація сейчасъ же вступила въ права гостепріимныхъ хозяевъ и превратила путешествіе нашей миссіи въ увеселительную прогулку. На привалахъ разбивались палатки; готовился завтракъ съ чаемъ и другими напитками, такъ что наши путешественники и не замѣтили, какъ пріѣхали въ Карши. Къ тому же, помня азіатское мнѣніе, что важныя лица не должны позволять себѣ рѣзкихъ движеній, а тѣмъ болѣе спѣшить, посольству пришлось ѣхать отъ Чиракчи до Карши «съ прокладеніемъ», какъ говорятъ наши мѣщане. Всю дорогу впереди ѣхали три конныхъ бухарскихъ церемоніймейстера съ позолоченными палками въ рукахъ и за ними уже слѣдовали члены посольства. Не доѣзжая Карши, вблизи развалинъ древняго города Чима, генераль Столѣтовъ заночевалъ. Къ вечеру сюда бекомъ каршинскимъ была выслана депутація, въ средѣ которой находились двое изъ его сыновей, а утромъ эмиръ бухарскій выслалъ и своего «мирахура» (конюшаго) и карету, нѣчто въ-родѣ ландо, на хорошихъ осяхъ и прочныхъ рессорахъ, для встрѣчи дорогихъ гостей и препровожденія ихъ съ возможными удобствами въ резиденцію эмира.

Мы не будемъ долго останавливаться на деталяхъ шествія генерала Столѣтова, возсѣдавшего въ каретѣ со своимъ помощникомъ, въ Карши, шествія много разъ прерываемаго завтраками и отдыхами подъ тѣнью разноцвѣтныхъ бухарскихъ палатокъ, и пріемовъ все болѣе и болѣе почетныхъ депутацій. Ограничимся только замѣчаніемъ, что въ Карши русскіе люди познакомились съ прелестями бухарскаго омовенія, и на слѣдующее утро были приняты бухарскимъ эмиромъ. Характернымъ въ этомъ пріемѣ оказалось только то, что русскіе вѣхали во дворецъ эмира верхами, хотя имъ передъ воротами «мирахуръ» и предложилъ спѣшиться. По свидѣтельству доктора Яворскаго, старикъ Рахимъ-Уллухъ соорилъ при этомъ кислую мину, но дѣлать было нечего, разъ имѣли дѣло съ людьми, не умѣющими «дарить», но зато мастеровъ «озадачивать». Тотъ же свидѣтель сообщаетъ, что верховое посольство, послѣ аудіенціи у эмира, совершенно безсодержательной, исправно однако пятилось къ двери задомъ, какъ это полагается по азіатскому этикету. Зато дѣйствительно интересный эпизодъ случился нѣсколькими днями позже, когда генераль Столѣтовъ прибылъ въ Гюзаръ.

По пріѣздѣ въ этотъ стеной бухарскій городокъ, послѣ ночного переѣзда, наше посольство нашло по обыкновенію радушный пріемъ; подъ тѣнью карагачей были разбиты пестрыя палатки, и усталые путники поспѣшили навестать въ бесѣдѣ съ благодѣтельнымъ Морфеемъ недоспанное время. Тѣмъ временемъ гофъ-фурьеръ или мирахуръ мѣстнаго бека, также одного изъ сыновей эмира, принялъ было на себя роль хозяина. Однако генералу Столѣтову это почему-то не понравилось, и онъ потребовалъ, чтобы бекъ Акрэмъ-Ханъ самъ принялъ на себя роль хозяина и пожаловалъ въ

помѣщеніе русскаго посольства. Смущенный мирахуръ попробоваль было сказать, что бекъ боленъ, но генераль Столѣтовъ продолжалъ стоять на своемъ, и потому мирахуръ поѣхаль къ беку. Часа черезъ два онъ возвратился и привезъ тотъ же отвѣтъ, какъ и прежде. Тогда Столѣтовъ послалъ переводчика Назарова во дворець—убѣдиться, дѣйствительно ли бекъ боленъ, и грозилъ написать эмиру, что его приняли въ Гюзарѣ не такъ какъ слѣдовало. Въ результатъ такого энергическаго образа дѣйствій оказалось, что бекъ струсилъ и общалъ немедленно пріѣхать. Дѣйствительно, только что генераль ушелъ въ свою палатку, какъ по улицамъ города послышались вопли народа, сопровождающіе всегда проѣздъ особъ царскаго рода, и бекъ Акрэмъ-ханъ вѣхаль верхомъ въ садъ, занятый русскимъ посольствомъ. Генераль Столѣтовъ вышелъ къ нему на-встрѣчу и строго и сухо пригласилъ сѣсть.

Когда бекъ молча опустился на пододвинутую ему табуретку, начальникъ миссіи сказалъ ему по-турецки слѣдующее привѣтствие: — Такъ между добрыми сосѣдями не дѣлается. Вашъ отецъ, Джонабъ-и-Али (ваше высочество), воздалъ должное почтеніе русскому посольству, которое Бухара имѣетъ счастье видѣть на своей землѣ, а вы не хотѣли посѣтить насъ! Вы бы должны были это сдѣлать, какъ гостепріимный хозяинъ. Я уже рѣшилъ было о вашемъ поступкѣ написать вашему отцу, эмиру, а вѣдь онъ незамедлил бы поучить васъ за это палкой..

Глаза бека при послѣдней фразѣ загорѣлись какимъ-то дикимъ огнемъ, онъ сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку. Минута была тяжелая и опасная. Между тѣмъ, Столѣтовъ продолжалъ говорить въ такомъ тонѣ еще нѣсколько времени, покуда не закончилъ свое назиданіе словами, что теперь, когда бекъ пріѣхаль, онъ забудеть все и что между нимъ и бекомъ можетъ быть только дружба.

Затѣмъ генераль приказалъ переводчику Назарову надѣть на бека самый лучший почетный халатъ. Однако бекъ не надѣлъ его, а только принялъ и сейчасъ же передалъ своему шахрамъ-баши (дядькѣ). Не желая такъ скоро растаться съ злополучнымъ намѣстникомъ Гюзара, генераль заставилъ его еще вышить чаю, и только послѣ всѣхъ этихъ церемоній отпустилъ восвояси. По отъѣздѣ почетныхъ, хотя и невольныхъ гостей, слутники храбраго русскаго посланника вздохнули свободнѣе.

— Пустяки, сказалъ Столѣтовъ на замѣчаніе нѣкоторыхъ, что дѣло легко могло дойти до ножей и кривыхъ сабель,—пустяки, вѣдь они трусы!

Въ четыре часа пополудни миссія выѣхала изъ Гюзара, по направленію къ Аму-Дарьѣ, въ Ширъ-абадѣ имѣла дневку, а докторъ Яворскій практику, такъ какъ его, русскаго хакима, пригласили къ больному беку. Затѣмъ, 16-го іюня, отрядъ нашъ пошелъ на нижнюю переправу по Аму-Дарьѣ, Чупка-Гюзару. Недоѣзжая переправы, на

поль пути къ нему подѣхали три авганскихъ всадника, изъ которыхъ въ старшемъ, сидѣвшемъ на англійскомъ сѣдлѣ и правившемъ англійскою уѣздечкой, можно было предполагать англичанина. Назвался онъ Маметъ-ханомъ, и на вопросъ о чинѣ отвѣчалъ:

— Какой бы чинъ я ни имѣлъ, въ настоящее время я все равно какъ бы безъ чина.

Этотъ Маметъ-ханъ, показавшійся болѣе похожимъ на европейца нежели на сопровождавшихъ его двухъ кровныхъ черномазыхъ горцевъ, привезъ отъ Лойнаба Чиръ-Вилета (великаго намѣстника Авганской Туркменіи) письмо, въ которомъ сообщалось Столѣтову, что онъ, Лойнабъ, не имѣетъ никакихъ свѣдѣній и приказаній относительно проѣзда русской миссіи по Авганистану. Для полученія же приказаній, Лойнабъ просилъ генерала Столѣтова обождать десять дней, не переправляясь на авганскій берегъ Аму-Дарьи. Вторично пришлось показать русскому генералу свою энергію. Разсерженный письмомъ, привезеннымъ «англичаниномъ» (такъ прозвали Маметъ-хана), генералъ Столѣтовъ распорядился немедленно начать переправу, которая и началась 17-го іюня, утромъ, при помощи паромовъ, безъ руля и весель, но перевозимыхъ съ помощію теченія рѣки и плывущей впереди лошади. Такой способъ переправы, разумѣется, былъ ужасно медленъ и кромѣ того повлекъ за собою цѣлую массу недоразумѣній, такъ какъ оба берега не могли между собою сноситься иначе какъ черезъ два часа разъ, перевоза съ одного берега на другой свѣдѣнія или невѣрныя, или такія, которыя за время обратнаго переѣзда успѣвали состарѣться и совершенно измѣниться.

Неурядица этого дня, во время котораго генералъ Столѣтовъ получалъ свѣдѣнія то о заарестованіи его тюковъ, то о неудачахъ почтеннаго его переводчика Назарова, посланнаго къ Лойнабу съ письмомъ, требовавшимъ свободнаго проѣзда русской посольской миссіи въ Кабуль ¹⁾, очень картинно представлено у доктора Яворскаго. Какъ бы то ни было, и не смотря на всю энергію нашего генерала, хотя къ вечеру и удалось Назарова отправить въ Мазари-Шерифъ, но все-таки Столѣтову пришлось еще одну ночь пользоваться гостепріимствомъ бухарцевъ. На утро, однако, загадочный англича-

¹⁾ Вотъ содержаніе письма генерала Столѣтова. Послѣ обычныхъ привѣтствій, генералъ писалъ, что «миссія не можетъ ожидать разрѣшенія оставаться на берегу Аму, считая это постыднымъ для имени русскаго, что онъ, генералъ, готовъ оставить конвой и свиту и ѣхать одинъ: что не видитъ для себя ничего постыднаго, если будетъ въ дорогѣ убитъ, ограбленъ или взятъ въ плѣнъ, но ожидать отказывается; что кромѣ того обѣщаетъ, въ случаѣ если эмиръ Ширъ-Али-Ханъ не пожелаетъ миссію принять, вернуться немедленно съ того мѣста, гдѣ его застанетъ собственноручное о томъ эмира объявленіе». (Путеш. Русск. посольства въ Кабуль. Гл. III, стр. 91—92).

нинь сообщилъ генералу, что имъ получено другое приказаніе, и что авганцы будутъ очень рады видѣть у себя знаменитое посольство русскаго императора, которому и разрѣшается свободный проѣздъ до Мазари-Шерифа.

Авганскій берегъ Аму-Дарьи, куда не замедлило переправиться наше посольство, оказался еще болѣе низмень, нежели бухарскій. Кругомъ разстилалась пустыня, мѣстами покрытая болотами. При сходѣ генерала Столѣтова на берегъ изъ «кораблей», служившихъ для переправы, его встрѣтилъ караулъ отдавшій ему честь и затѣмъ конвоировавшій эшелонъ миссіи до ближайшей узбекской дереушки. Тутъ посольство наше ожидало новое огорченіе: ему объявили, что дальнѣйшее движеніе впередъ ранѣе двухъ дней невозможно, такъ какъ только къ этому дню пріѣдутъ почетныя лица и конвой, назначенный для встрѣчи «урусовъ-тюрей» и для безопаснаго препровожденія ихъ въ Мазари-Шерифъ. Разумѣется, нашъ посланникъ по своему разгнѣвался, спорилъ, говорилъ, что у него своего конвоя достаточно, но все это было-бы напрасно, если-бы съ совершенно несвойственной азіатцамъ поспѣшностью почетный конвой подъ начальствомъ двухъ генераловъ не прибылъ на другой же день утромъ. Съ ними пріѣхали 200 конныхъ и 100 пѣшихъ авганцевъ, назначенныхъ Лойнабомъ Чиръ-Виллета для конвоировація миссіи. Такимъ образомъ, 19-го іюня, въ 6 часовъ вечера, миссія тронулась во внутрь неизвѣстнаго Авганистана.

Пропуская всѣ церемоніальныя подробности встрѣчи генерала съ прибывшими, мы не можемъ съ другой стороны не обратить вниманія на слѣдующій мелкій фактъ, потому что подобные факты неотступно преслѣдуютъ всѣ русскіе благія начинанія. Однимъ изъ обязательныхъ занятій членовъ миссіи, со времени переправы ея въ неизвѣстную европейцамъ землю авганъ, предполагалась рекогносцировка, развѣдка и съѣмки мѣстности при переѣздахъ отъ одного урочища къ другому, по скольку она только оказалось бы возможною. Для этого при миссіи находился топографъ Бендерскій, а доктору Яворскому для опредѣленія высотъ проходимыхъ долинъ и переваловъ былъ выданъ ртутный барометръ. Что же оказалось? При распаковкѣ барометра ртуть найдена вылившеюся, хотя трубка была совершенно цѣла, вылилась же ртуть потому, что барометръ былъ выданъ изъ топографическаго отдѣла старый, бывшій нѣсколько разъ въ починкѣ и имѣвшій дурно завинчивавшійся кранъ. Разумѣется, о запасной ртути также никто не подумалъ, и въ результатѣ неизвѣстный въ барометрическомъ отношеніи край такъ и остался неизвѣданнымъ!

И вѣдь опять навѣрное виновать какой нибудь аккуратный и форменно-правый экзекуторъ!

Какъ ни интересны подробности путешествія нашей миссіи по Авганистану, мы не можемъ даже сколько нибудь подробно на

нихъ остановиться, отсылая интересующихся къ прекрасной монографіи доктора Яворскаго, дополнившаго свои личныя впечатлѣнія сводомъ свѣдѣній, добытыхъ имъ изъ другихъ источниковъ. Здѣсь же мы ограничимся только бѣглымъ обзоромъ крупнѣйшихъ фактовъ шествія, походившаго на шествіе настоящихъ триумфаторовъ. Достаточно сказать, что въ Мазари-Шерифѣ, городѣ въ 20.000 населенія, генераль Столѣтовъ былъ встрѣченъ войсками и пушечными выстрѣлами артиллеріи, выстроенный по сторонамъ дороги. На-встрѣчу ему выѣхали знатнѣйшіе люди и приближенные Лойнаба, которые привезли извиненіе самого великаго намѣстника, лежавшаго на одрѣ болѣзни (черезъ нѣсколько дней сведшей его въ могилу), что онъ самъ не могъ участвовать въ торжественномъ приѣмѣ посольства великаго падишаха. Несмотря на такой блестящій приѣмъ, посольство наше все-таки здѣсь было задержано втеченіе 12 дней, въ ожиданіи прямого разрѣшенія отъ эмира слѣдовать ему дальше. Только 6-го іюля члены миссіи съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, окруженные 200 человекъ конницы и 300 человекъ пѣхоты, направились къ Кабулу.

Во время этого путешествія наше посольство успѣло не только узнать кто былъ «таинственный англичанинъ», встрѣтившій ихъ еще въ предѣлахъ бухарскихъ владѣній, но и оцѣнить прекрасные качества этого превосходнаго человека. Звали его не Маметъ-ханомъ, а Мосинъ-ханомъ, и несмотря на сравнительную бѣлокурость, онъ оказался авганцемъ и носилъ чинъ дѣтина (эсаула) въ войскѣ Ширъ-Али. Съ первыхъ шаговъ нашей миссіи по авганской почвѣ и до послѣднихъ, онъ неотлучно находился при «урусахъ» и много, много разъ оказывалъ имъ незамѣнимыя услуги, за которыя, къ стыду нашему, мы не всегда умѣли платить даже приличною для европейцевъ вѣжливостію.

Путь на Кабулъ лежалъ черезъ Бамьянъ, гдѣ сохранились большіе слѣды высокой языческой культуры. О Бамьянѣ, окружающихъ его пещерахъ и особенно объ идолахъ, высѣченныхъ въ скалахъ и достигающихъ 20 саженой высоты, у доктора Яворскаго можно получить много весьма интересныхъ свѣдѣній.

За нѣсколько еще переходовъ до Кабула наше посольство встрѣтило почетныя лица, привозившія съ собой разныя плодовые угощенія и выражавшіе радость эмира по поводу прибытія такихъ знаменитыхъ гостей. 28-го іюля, къ миссіи пріѣхалъ на трехъ слонахъ Безиръ-сайбъ, первый министръ эмира авганскаго; а въ 8 часовъ утра, 29-го іюля, началось, такъ сказать, торжественное шествіе нашего посольства въ Кабулъ.

Впереди ѣхалъ отрядъ блестящей авганской кавалеріи. Затѣмъ шли три слона, на которыхъ возсѣдали члены нашего посольства, и за ними русскій казачій конвой. Позади конвоя снова шель отрядъ авганской кавалеріи, а по бокамъ всей процессіи тянулись двумя

длинными шеренгами высокорослые, бравые гвардейцы эмира въ ярко-красныхъ мундирахъ. На 8-й верстѣ отъ станціи, миссія была встрѣчена роднымъ братомъ эмира Сердаремъ-Хабибъ-Уллаханомъ. Онъ пріѣхалъ изъ Кабула на громадномъ слонѣ сѣро-пепельнаго цвѣта съ огромными вызолоченными клыками. Сердаря сопровождалъ отрядъ латниковъ въ блестящихъ каскахъ и вооруженныхъ красивыми кабульскими шашками. Лишь только поравнялся съ нами Хабибъ-Уллаханъ, какъ сошелъ со слона для пріѣтствія посольства. Генераль Столѣтовъ сдѣлалъ то же, и послѣ взаимнаго пріѣтствія пересѣлъ вмѣстѣ съ Сердаромъ на его великолѣпнаго слона. По мѣрѣ приближенія шествія къ Кабулу, массы народа, высывавшаго посмотрѣть на «Фиринджисовъ-урусовъ», дѣлились все гуще и гуще. Крыши домовъ, даже деревья были усѣяны любопытными. Когда процессія перешла рѣку Кабуль-Дарью, то свернула съ дороги влѣво на сѣверъ отъ города и вышла на обширное поле. Посреди поля были выстроены авганскія войска всѣхъ родовъ оружія. На обоихъ флангахъ стояла кавалерія, въ центрѣ пѣхота, а впереди по фронту артиллерія. Лишь только слоны поравнялись съ центромъ войскъ, какъ артиллерія начала салютъ, причемъ было сдѣлано 34 пушечныхъ выстрѣла. Затѣмъ заиграла музыка и войска прошли церемональнымъ маршемъ. Слоны снова вышли на шоссе и направились къ резиденціи, стѣны которой бѣлѣлись въ одной верстѣ. Въ это время массы народа подняли крикъ, призывая на миссію благословеніе четырехъ калифовъ, а вся авганская знать, которая только была на лицо, провожала русское посольство до вѣзда въ назначенное для него помѣщеніе.

— Какъ хотите, а это чисто царская встрѣча! сказала Столѣтовъ, оцѣнивая за обѣдомъ (кстати сказать, поданнымъ по-европейски на фарфорѣ и со столовымъ серебромъ) пріемъ эмира русской миссіи.

III.

Въ Кабулѣ.

На слѣдующее утро, нарядившись въ парадную форму, посольство отправилось на аудіенцію къ эмиру. Свиданіе состоялось на галереѣ, выходившей въ садъ дворца Ширъ-Али. При входѣ посольства на лѣстницу, эмиръ съ каской съ страусовыми перьями на головѣ и одѣтый въ военный мундиръ съ генеральскими штанами съ лампасами и съ красной лентой черезъ плечо, привсталъ со своего мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на-встрѣчу генералу Столѣтову, подаль ему руку. Съ первыхъ же словъ русскимъ гостямъ стало замѣтнымъ, что повелитель Авганистана далеко не рутинеръ и, повидимому, вовсе не охотникъ до напускнуи неподвиж-

ности, приличной, по азіатскому мнѣнію, каждому вліятельному лицу, а потому тѣмъ болѣе владыкѣ народа!

Знакомясь съ членами миссіи, эмиръ каждому подавалъ руку и старался сказать любезность, шутку или острогу. По окончаніи церемоніи представленія, пригласивъ присутствующихъ съѣсть, Ширъ-Али началъ оживленную бесѣду о Россіи, о числѣ ея жителей, о численности войскъ, о государственныхъ доходахъ, спрашивалъ, есть ли желѣзныя дороги и т. п. Во время этого разговора, казачій конвой стоялъ передъ террасою, и потому естественно разговоръ перешелъ на казаковъ. Эмиръ расспрашивалъ объ ихъ организаціи и пожелалъ видѣть ружейные приемы, что и было, къ его видимому удовольствію, исполнено казаками по командѣ Назарова. Затѣмъ Ширъ-Али осмотрѣлъ берданку, причемъ выказалъ полное знакомство со способомъ заряжанія и стрѣльбы изъ этого ружья. Возвративъ винтовку, онъ приказалъ принести свои скорострѣльные ружья, которыя, по оцѣнкѣ полковника Разгонова, оказались весьма хорошими, особенно если признать, какъ увѣрялъ эмиръ, что они были мѣстной ручной работы, такъ какъ на кабульскихъ оружейныхъ заводахъ никакихъ машинъ нѣтъ.

Дѣловитая бесѣда, столь мало похожая на официальные разговоры первыхъ свиданій, обѣщала затянуться надолго, но за права придворнаго этикета на этотъ разъ вступился ураганъ, поднявшій цѣлые столбы пыли и заставившій эмиръ-саида прекратить затянувшуюся аудіенцію.

На слѣдующее утро, 31-го іюля, въ Кабулѣ было землетрясеніе, и такъ какъ миссіи не позволили свободной прогулки по городу, то она все время сидѣла дома.

1-го августа, г. Столѣтовъ опять пріѣхалъ къ Ширъ-Али, но уже одинъ, и въ этой поѣздкѣ его сопровождали Везиръ и Мосинъ-ханъ. Вечеромъ, въ честь русскихъ городъ украсился иллюминаціей, на которую, однако, посольство могло любоваться только съ крыши своего дома. Кабульцы пускали ракеты, жгли бенгалскіе огни, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись огненные вензеля. На близъ лежащихъ высотахъ пылали костры, придавая всей картинѣ, освѣщенной еще выплывшею изъ-за горъ луною, какой-то фантастическій характеръ.

2-го августа, совершилась церемонія поднесенія подарковъ, которые, какъ мы говорили выше, тѣмъ скуднѣе показались нашимъ аргонавтамъ, что пріемъ, имъ оказанный, былъ такъ блестящъ.

3-го августа, эмиръ прислалъ бѣдной миссіи свои 11000 рупій, и въ этотъ же день авторъ «Путешествія русскаго посольства въ Кабулъ» имѣлъ здѣсь свою первую медицинскую практику. Его пригласили къ молодому сыну эмира, наслѣдному принцу Абдулль-Джану, который внезапно и опасно заболѣлъ. Помощь врача однако запоздала и къ полночи наслѣдный принцъ авганскаго престола

скончался на тѣхъ же рукахъ русскаго хакима, на которыхъ черезъ полгода спустя предстояло покончить жизненные расчеты и его родителю. Да, практика нашего доктора въ царствующемъ семействѣ была не блестяща, зато практика г. Яворскаго была болѣе успѣшна среди простаго населенія, обращавшагося къ нему за совѣтами, хотя и здѣсь, по незнанію языка, происходили курьезы, въ родѣ слѣдующаго, рассказаннаго самимъ авторомъ.

«Разъ какъ-то пришелъ ко мнѣ одинъ туземецъ; по разспросамъ больного, веденнымъ мною черезъ переводчика, оказалось, что онъ боленъ ревматизмомъ спинныхъ и поясничныхъ мышцъ. Я сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы фельдшеръ намазалъ больныя части спины іодной настойкой. Фельдшеръ добросовѣстно исполнилъ свое дѣло. По окончаніи же операціи однако выяснилось, что не онъ, туземецъ, боленъ, а его мать, оставшаяся дома» *)

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти принца Абдулла-Джана, въ Кабуль, какъ снѣгъ на голову, явилось требованіе англо-индійскаго правительства принять и ихъ посольство «по обычаямъ гостепріимства, какъ это долженъ сдѣлать добрый сосѣдь Индіи».

Озадаченный такой неожиданностію, Ширъ-Али поспѣшилъ отказомъ и отговаривался трауромъ по сынѣ. Но англичане настаивали, и тогда, посовѣтовавшись съ генераломъ Столѣтовымъ, эмиръ авганскій на-отрѣзъ отказалъ въ пріемѣ пословъ коварнаго Альбіона.

Кромѣ начальника миссіи, договаривавшагося съ министрами Шира-Али-Хана и съ нимъ самимъ и потому серьезно занятаго, остальные ея члены, сидя въ своемъ глиняномъ четырехугольникѣ, страшно скучали. Въ городъ не пускали даже доктора съ цѣлью практики, боясь чтобы англійскіе шпіоны и агенты не учинили какой либо непріятности или вреда «урусамъ», что могло бы повліять на дружеское расположеніе договаривавшихся государствъ. Повидимому, желая хоть сколько нибудь усладить затворничество нашихъ піонеровъ, эмиръ 8-го августа пригласилъ ихъ погулять въ свой садъ, гдѣ было подано обычное угощеніе, состоявшее изъ фруктовъ. Самъ эмиръ на это гулянье не вышелъ. Затѣмъ, также съ цѣлью развлеченія, на дворѣ дворца, отведеннаго посольству, устроили специальный базаръ, на который авганскіе кушцы притащили свои мѣстные издѣлія и индійскія товары. На этомъ базарѣ генераль Столѣтовъ накупилъ много вещей, шалей, полушубковъ, туфель и т. п., заплативъ за нихъ порядочную сумму изъ числа 11.000 рупій, подаренныхъ миссіи эмиромъ. Такъ проходило время, какъ вдругъ совершенно неожиданно для подначальной посольской интеллигенціи выяснилось, что генераль поѣдетъ въ Ташкентъ и повезетъ съ собою нѣсколькихъ авганскихъ сановниковъ въ каче-

*) «Путеш. рус. посольства въ Кабуль». Томъ I, стр. 338.

ствѣ предварительнаго посольства эмира. Съ собою генераль Столѣтъ взялъ Яворскаго и 10 казаковъ для конвоя, предполагая ѣхать безъ дневокъ, дѣлая въ день по 60 — 70 верстѣ перехода. Остальные же аргонавты, пріѣхавшіе за ключами Индіи, въ отсутствіе своего Язона, должны были ожидать сформированія большаго посольства въ Россію, въ составѣ котораго долженъ былъ находиться и внукъ самого эмира. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ такое распоряженіе, рѣшительный русскій генераль уже готовъ былъ немедленно вскочить въ сѣдло и мчаться къ Ташкенту. Однако еще одну ночь ему пришлось все-таки пробыть въ Кабулѣ, и только 12-го августа, въ 7 часовъ утра, Столѣтовъ, Яворскій и сопровождавшіе ихъ казаки помчались опять на родину.

Въ минувшую турецкую кампанію генераль Столѣтовъ составилъ себѣ репутацію своею поразительною неутомимостью наѣздника. Но едва ли кто нибудь могъ бы поспорить съ быстротою его возвращенія изъ Кабула. Принужденный слѣдовать по горнымъ ущельямъ, подыматься неоднократно на 13.000', 11.000', 9.000', надъ уровнемъ моря, отрядъ, возвратившійся въ Ташкентъ, сдѣлалъ около 1.300 верстѣ втеченіе мѣсяца. Выѣхавъ 11-го августа, эшелонъ 24-го уже переправился черезъ Аму-Дарью (т. е. въ 13 дней проскакалъ 632 версты). Далѣе, во время проѣзда по Бухарѣ начались остановки, такъ какъ необходимо было заѣзжать съ визитами къ бекамъ и къ эмиру Мозафаръ-Эдину, но не смотря на это, къ 31-му августа посольство прибыло въ Самаркандъ, а 6-го сентября авганское посольство уже представлялось туркестанскому генераль-губернатору. 10-го сентября, генераль Столѣтовъ выѣхалъ изъ Ташкента въ Ливадію, и съ этой поры имя его исчезаетъ изъ исторіи нашего похода за ключами въ Индію.

Мѣсто его волей-неволей занялъ только-что произведенный въ генералы Разгоновъ. При какихъ тяжелыхъ условіяхъ была произведена поѣздка изъ Кабула къ Аму-Дарьѣ, можно судить по описанію доктора Яворскаго о службѣ, которую приходилось нести казакамъ. Сдѣлавъ 60—70 верстѣ верхомъ, на ночлегъ они должны были содержать караулъ, смѣняясь черезъ каждыя два часа по двое, а ихъ всего было шесть человекъ. Разводящему ефрейтору вовсе не приходилось отдыхать иначе, какъ урывками. При этомъ всѣ ѣдущіе были еще больны лихорадкой. Для отдыха казаки ложились вокругъ палатки генерала Столѣтова и доктора Яворскаго на голой землѣ, подложивъ себѣ подъ голову сѣдло и закрывшись сѣрой шинелью. Узнавъ, что ефрейторъ одинъ, Столѣтовъ замѣтилъ ему:

— А ты все-таки по ночамъ не спи!

Докторъ, разумѣется, бунтовался,—гигіена вообще мало ладить съ необходимостями военной службы,—но въ свою очередь добился только суроваго выговора. Наконецъ, люди изморились до того, что

17-го августа, при переходѣ черезъ Каракательскій переваль, болыные казаки, взобравшись на его вершину, повалились въ изнеможеніи на землю. Вахмистръ слабо стоналъ и въ бреду лихорадки высказывалъ желаніе совсѣмъ остаться здѣсь, на вершинѣ перевала, гдѣ такъ пріятно, прохладно. Въ это время у него температура подъ мышкой достигла 41°. А все-таки бѣдняга долженъ былъ подняться и скакать за неутомимымъ генераломъ (котораго, кстати сказать, и самого трясла лихорадка) далѣе. Докторъ, конечно, глухо не одобряетъ такого поведенія генерала, но разъ эти страданія благополучно миновали, какъ не подивиться этой стальной энергіи командующаго и желѣзному повиновенію подчиненныхъ! Да, энергія и выносливость русскаго человѣка удивительны, какъ удивительно, что эти доблестныя качества такъ часто остаются бесплоднымъ мученичествомъ, не приносящимъ никому пользы.

IV.

Трагедія въ Мазари эль-Шерифѣ.

Какъ ни тяжело приходилось эскорту генерала Столѣтова, слѣдившаго изъ Кабула въ Ташкентъ, но положеніе оставленныхъ въ кабульскомъ плѣненіи аргонавтовъ было еще хуже.

Это положеніе стало едва выносимо, когда вспыхнула война между Афганистаномъ и Англіею. Вопреки мнѣнію газетъ о слабости британскихъ военныхъ силъ въ Индіи, къ половинѣ сентября 1878 года три корпуса англійскихъ войскъ подошли къ границамъ Афганистана. 25-го сентября, злополучный Ширъ-Али-Ханъ писалъ туркестанскому губернатору: «Они (англичане) въ настоящее время прибыли на границу мнѣ дарованнаго государства Хайбэръ и приготовились начать войну... Пламя этой подлости и вражды никогда не можетъ быть потушено. Прошу васъ, по дружбѣ, не оставлять меня вашимъ вниманіемъ и расположеніемъ».

Въ то же время эмиръ обратился съ вопросомъ къ генералу Разгонову: когда же вернется въ Кабулъ генераль Столѣтовъ во главѣ обѣщаннаго тридцати-тысячнаго войска?

Между тѣмъ, миссія ничего не могла отвѣтить на этотъ вопросъ и съ своей стороны потеряла всякую почву подъ ногами, когда на вопросъ о времени, къ которому эмиръ думаетъ снарядить посольство въ Россію, генераль Разгоновъ услышалъ, въ свою очередь, отвѣтъ, что никакого посольства и не готовится и что даже и тѣ четыре авганца, которые посланы съ генераломъ Столѣтовымъ, посланы только почета ради.

Не умѣя отвѣчать и не имѣя никакихъ данныхъ для политической оріентировки, русское посольство должно было прибѣгнуть къ

дѣйствительнѣйшему средству — оттянуть время, т. е. предложить эмиру переписку. И надо удивляться, съ какою охотою обладатель индійскихъ воротъ, вмѣсто приготовленія къ отпору злѣйшихъ враговъ своего государства, принялся строчить одно письмо велѣдъ за другимъ, обращая ихъ то къ государю императору, то къ генералу Кауфману, то къ самому Столѣтову, прося послѣдняго «оказать дружескую помощь, какая покажется вамъ подходящей и какая соотвѣтствуетъ величію его величества императора». Съ своей стороны генераль Столѣтовъ, еще ранѣе полученія послѣдняго письма, написалъ эмиру письмо изъ Ливадіи по-персидски, но исполненное ошибокъ, крайне затруднявшихъ понять его настоящій смыслъ.

Въ этомъ письмѣ, писанномъ къ Везиру-Магометъ-хану, заключались слѣдующія удивительныя соображенія:

«Безъ сомнѣнія, вы не забыли, какъ я говорилъ вамъ о томъ, что дѣла государства похожи на страну, которая покрыта множествомъ горъ, долинъ и рѣкъ. Кто сидитъ на высокой горѣ, можетъ все это видѣть. По повелѣнію и власти Бога нѣтъ другой имперіи, подобной имперіи нашего великаго императора. Поэтому все, что наше правительство посовѣтуетъ вамъ, вы должны исполнить. Истинно говорю вамъ, что наше правительство мудро какъ змѣя и невинно какъ голубь. Много есть вещей, которыхъ вы не можете понять, но наше правительство хорошо понимаетъ. Часто случается такъ, что то, что намъ не нравится сначала, благословляется потомъ».

Въ заключеніе этихъ общихъ и мало понятныхъ сентенцій, эмиръ или его Везиръ обречены были выслушать слѣдующія наставленія и совѣты:

«Вы должны быть подобны змѣѣ: наружно показывайте миръ, а въ тайнѣ готовьтесь къ войнѣ, и когда Богъ дастъ вамъ свое знаменіе, тогда и обнаружите себя. Было бы хорошо, когда бы посланникъ вашего врага захотѣлъ войти въ вашу страну и если бы вы въ свою очередь послали въ страну врага способнаго посла, владѣющаго змѣинымъ языкомъ, полнымъ лукавства, такъ чтобы онъ сладкими рѣчами опуталъ умъ врага и довелъ его до того, чтобы тотъ отказался сразиться съ вами. Мой добрый другъ! довѣряю васъ Провидѣнію Божьему. Да будетъ Богъ покровитель государства эмира и да содрогнутся члены вашихъ враговъ. Аминь»¹⁾!

О sancta simplicitas! О голубиная невинность воина, взявшагося учить простодушнаго авганца коварной мудрости! Нѣтъ, сражаться мечомъ и перомъ — не одно и то же, и мы думаемъ, что не только члены англичанъ, если они читали это курьезнѣйшее посланіе, но самыя кости Меттерниха и Тайлера содрогались «во гробѣхъ», когда создавалось это наивнѣйшее дипломатическое письмо простодушнымъ воиномъ!

Очевидно, ни эмиръ, ни Везиръ-ханъ его не поняли.

¹⁾ «Путешествіе русскаго посольства въ Кабулъ». Глава IV, т. II, стр. 86.

— Отчего же генераль Столѣтовъ ничего не пишетъ о военной помощи, которую онъ намъ обѣщаль? допрашиваль эмиръ Разгонова.

— Не могу знать, могъ сконфуженно отвѣчать послѣдній.

— Кто же будетъ знать? возражалъ эмиръ,—если вы, посолъ Россіи, этого не знаете?

Такъ же неясно отвѣтили Ширъ-Али-Хану и генераль Кауфманъ.

«Считаю нужнымъ увѣдомить ваше высокостепенство, что англичане, какъ мнѣ точно извѣстно, намѣрены сдѣлать новую попытку примириться съ вами. Какъ другъ вамъ совѣтую дать имъ вѣтку мира»¹⁾.

Оба письма русскихъ генераловъ, приведенныя нами въ извлеченіи, были получены въ Кабулѣ 7-го ноября; между тѣмъ 8-го истекъ срокъ ультиматума, посланнаго англичанами къ эмиру. Послѣдній, однако, послушался русскихъ совѣтовъ и послалъ англичанамъ «вѣтвь мира», какъ предлагалъ генераль Кауфманъ. Но эта миртовая вѣтвь прибыла въ Али-Мееджидъ 10-го ноября, въ самый разгаръ сраженія. Посланный вернулся ни съ чѣмъ. Однако вслѣдъ затѣмъ эмиръ еще попробовалъ помириться со своими противниками, но снова опоздалъ, такъ какъ его письмо попало въ руки англичанъ 17-го ноября, когда они уже успѣли оправиться послѣ пораженія у Пейвара и занять Шутуръ-Гэрдэнскій перевалъ.

Изъ этого бѣглаго очерка политическихъ событій уже легко себѣ представить, каково было положеніе нашей запертой въ Кабулѣ миссіи. Въ нравственномъ отношеніи оно было невыносимо тяжело, но къ этой тяжести вскорѣ не замедлили прибавиться и матерьяльныя лишенія и болѣзни. Всѣ члены миссіи, плѣненные въ Кабулѣ, платили обильную дань лихорадкѣ, которая по временамъ переходила въ тифъ. Генераль Разгоновъ заболѣлъ воспаленіемъ горла, которое мучило его втеченіе трехъ недѣль. Въ октябрѣ выпалъ снѣгъ, стало холодно, между тѣмъ согрѣться было негдѣ, такъ какъ во дворцѣ русскаго посольства не было ни печей, ни каминовъ. Иногда топили смрадные мангалы, но и для нихъ часто не было ни щепки дровъ, ни куска угля. Въ такихъ-то критическихъ обстоятельствахъ, русскіе люди принуждены были нарядиться въ авганскія шубы съ одной стороны, и съ другой просить генерала Кауфмана о присылкѣ доктора.

Въ силу послѣдняго обстоятельства, доктору Яворскому пришлось снова готовиться въ путь и въ сопровожденіи эскорта изъ десяти казаковъ ѣхать въ Кабулъ уже не за ключами Индіи, а для борьбы съ возникавшею тамъ тифозною эпидеміею.

Въ первой главѣ мы уже дали понятіе о «снабженіи» эскорта г. Яворскаго, и потому здѣсь ограничимся только сообщеніемъ, что грамотнаго переводчика за 1 руб. металлическій въ день и за

¹⁾ «Путешествіе русскаго посольства въ Кабулъ». Глава IV. т. II, стр. 88.

100 рублей кредитныхъ единовременно, который бы согласился совершить опасное странствованіе, не нашли, и потому доктору пришлось обойтись въ своемъ странствіи безъ переводчика. Изъ Ташкента г. Яворскій выѣхалъ 17-го ноября, т. е. въ то время, когда авгано-англійская распря была въ полномъ разгарѣ и побѣда англичанъ становилась очевидною.

Съ обыкновенною процедурою заѣздовъ къ бекамъ и эмиру бухарскому, маленькій русскій отрядъ достигъ береговъ Аму-Дарьи у Патта-Киссара 8-го декабря, а 9-го былъ уже у «священной гробницы Алія», т. е. въ Мазари-Шерифѣ.

И на этотъ разъ на-встрѣчу русскимъ былъ высланъ небольшой авганскій конвой, который проводилъ доктора до стараго помѣщенія въ Мазари-Шерифѣ. Но теперь это старое пепелище, волею судебъ; сдѣлалось послѣднимъ, до котораго удалось проѣхать г. Яворскому. Лойнабъ Чааръ-Виллета удержалъ его въ почетномъ арестѣ до прибытія изъ Кабула бѣжавшаго Ширъ-Али, въ хвостѣ поѣзда котораго, наряженные въ авганскія шубы, больные и голодные, тащились бѣдные русскіе аргонавты, покинутые на произволь судьбы.

Несмотря на просьбы и даже угрозы написать въ Ташкентъ, доктора Яворскаго продержали въ Мазари-эль-Шерифѣ до 23-го декабря, отказывая ему въ дальнѣйшемъ проѣздѣ то подъ предлогомъ опасности, то подъ предлогомъ неполученія разрѣшенія отъ эмира. Двадцатаго декабря, однако, прибыло семейство эмира, и къ этому же времени доктора Яворскаго вызвали въ Ташъ-Курганъ, гдѣ уже находился отступавшій изъ Кабула эмиръ и гдѣ произошла встрѣча доктора съ членами русскаго посольства.

Тутъ выяснилось слѣдующее:

Объявивъ 15-го ноября газавать противъ «инглизовъ», Ширъ-Али надѣялся, что момундцы, помогавшіе англичанамъ, отпадутъ отъ нихъ и примутъ сторону правотѣрныхъ авганцевъ. Между тѣмъ, расчетъ оказался не вѣрнымъ. 18-го ноября, англичане заняли Пейварскій, а 19-го Шутуръ-Гэрденскій переваль, при зашитѣ котораго авганскія войска потеряли всю свою артиллерію. Боясь быть запертымъ и обойденнымъ въ Кабулѣ, эмиръ рѣшился выѣхать изъ Кабула въ Туркестанъ. Этому выѣзду способствовало еще сильное броженіе умовъ въ столицѣ, вызванное возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненные продукты, при переполненіи Кабула бѣглецами, спасавшимися отъ «красныхъ мундировъ» наступавшихъ «инглизовъ». Наконецъ, въ городѣ началъ свирѣпствовать тифъ. Пользуясь наступившею смутою, партія враждебнаго эмиру сына его, Якуба-хана, начала громко заявлять о своемъ существованіи, а эмиръ имѣлъ еще неосторожность оскорбить генерала, командовавшаго войсками въ сраженіи при Али-Мееджидѣ, послѣ чего этотъ начальникъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди горцевъ Ко-

хистана, тотчасъ же удалился отъ двора эмира и перешелъ на сторону Якуба-хана. Вслѣдствіе этого и бѣльшая часть войскъ перешла на сторону Якуба-хана. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Ширъ-Али рѣшился послѣдовать совѣту генерала Кауфмана, освободилъ сына изъ заточенія, привелъ его къ присягѣ и, объявивъ его правителемъ Кабула, самъ выѣхалъ по дорогѣ въ Мазари-эль-Шерифъ. Можно себѣ представить, какъ тяжело было положеніе русской миссіи въ полувозмутившемся Кабулѣ, населеніе котораго приписывало всѣ свои бѣды русскимъ. Заключеніе генерала Разгонова и его спутниковъ сдѣлалось еще строже; никто не могъ высунуться изъ за стѣнъ помѣщенія. Казаки даже не могли проходить къ своимъ лошадямъ, находившимся на отдѣльномъ дворѣ; лаучи и джигиты, служившіе миссіи, подвергались ежедневнымъ оскорбленіямъ на базарѣ. Авганскіе всадники, распорядившіеся фуражемъ, отпускаящимся изъ казны эмира, воровали его, и сами колотили лаучей и джигитовъ, являвшихся съ требованіями о продовольствіи. Члены миссіи, подобно ихъ лошадямъ, начали терпѣть нужду въ припасахъ. Купить провіанта было негдѣ, а содержаніе, отпускаемое отъ эмира, стало скудно, особенно потому, что казначей, «чай-ханы» и «ханъ-саманы», далеко не все отпускаемое доставляли миссіи. Иногда, пишетъ докторъ Яворскій, миссія со своими лихорадочными больными и тифознымъ казакомъ на рукахъ буквально голодала. Единственнымъ развлеченіемъ миссіи была прогулка по плоской кровлѣ южнаго флигеля; однако послѣ того, какъ часовой авганецъ, оберегавшій (?) помѣщеніе миссіи, выстрѣлилъ по топографу Бендерскому, вышедшему прогуляться, и отъ этого послѣдняго удовольствія пришлось отказаться. Въ виду столь печальнаго положенія дѣла, генералъ Разгоновъ попробовалъ было вручить эмиру свои отзывныя грамоты. Но такъ какъ таковыхъ настоящихъ не было, то сдѣлали выписки изъ писемъ генерала Кауфмана отъ 21—22 октября и преподнесли эмиру.

Въ этой выпискѣ было сказано:

«Эмиръ очень хорошо знаетъ, что мнѣ невозможно помочь ему войсками зимой, поэтому нужно, чтобы война не начиналась въ это неудобное время. Если англичане, вопреки усилію эмира избѣжать войны, начнутъ ее, то вы должны, испросивъ позволенія эмира, выѣхать въ Ташкентъ, потому что ваше присутствіе зимою въ Афганистанѣ бесполезно» и т. д. ¹⁾.

Передача этой ноты произошла 18-го ноября, но придворные эмира усомнились въ ея подлинности и потребовали представленія подлинныхъ писемъ генерала Кауфмана. Между тѣмъ, послѣднее было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно. Послѣдствіями этого дипломатическаго шага генерала Разгонова были визиты миссіи со

¹⁾ «Путешествіе русской миссіи». Т. II, стр. 98.

стороны Везира, казія Абдуль-Кодеръ-хана и брата эмира Сердаря Ширъ-Али-хана, которые приходили увѣрять миссію въ ея безопасности, покуда живъ эмиръ. Самъ же Ширъ-Али написалъ длинное письмо къ генералу Кауфману, въ которомъ, въ числѣ разныхъ любезностей, находилась и слѣдующая восточная по своей картинности фраза:

«Дай Богъ, чтобы не случилось никакого несчастья съ государствомъ моимъ; если же случится, то не безъ того, чтобы пылъ этого несчастья не сѣла на полы государства его императорскаго величества»¹⁾.

За этими словами слѣдовала просьба о немедленной присылкѣ войскъ, и въ концѣ письма категорическій отказъ отпустить находящееся въ Кабулѣ русское посольство.

Въ ночь съ 1-го на 2-е декабря, эмиръ выѣхалъ изъ города, давъ приказаніе нашимъ миссіонерамъ слѣдовать за нимъ въ возможной тайнѣ. И вотъ тѣ самые люди, которые четыре мѣсяца назадъ вѣзжали въ Кабуль при громѣ пушекъ и радостныхъ крикахъ народа, выѣжали изъ него тайкомъ, одѣтые по-туземному, пробираясь по пустыннымъ улицамъ и стараясь сколь возможно болѣе остаться незамѣченными.

«Sic temproa mutantur!» восклицаетъ по этому поводу г. Яворскій.

10-го декабря, изъ Бамьяна, эмиръ послалъ къ Кауфману извѣщеніе о намѣреніи своемъ поѣхать въ Россію, для того чтобы лично просить защиты русскаго императора. 20-го декабря, эмиръ прибылъ въ Ташъ-курганъ, куда и былъ вызванъ Яворскій, а 26-го декабря состоялась опять торжественная аудіенція у эмира всей русско-й миссіи.

На этой аудіенціи Ширъ-Али авганскій, передавая о своемъ намѣреніи ѣхать въ Россію, сказалъ слѣдующія знаменательныя по своему политическому значенію слова:

«Передъ войной англичане всѣми средствами старались меня задобрить, съ цѣлью привлечь на свою сторону. Они давали мнѣ денегъ и оружія, обѣщали увеличить мои владѣнія, но я отъ всѣхъ обѣщаній ихъ отказался, предпочитая имъ дружбу Россіи. Я знаю, что означаютъ англійскія обѣщанія и подарки; исторія съ индійскими владѣтелями слишкомъ поучительна, чтобы закрывать на нее глаза. Пусть теперь они знаютъ, что я передаю ключи отъ воротъ въ Индію въ руки дружественной мнѣ Россіи»²⁾.

Эта аудіенція длилась 3½ часа, и послѣ нея вассалъ Россіи сдѣлался пациентомъ своего послѣдняго врача, доктора Яворскаго. У эмира болѣло горло, и русскій хакимъ началъ леченіе пульверизаціей, которая очень занимала авганцевъ. 29-го декабря пришло письмо отъ туркестанскаго генераль-губернатора, въ которомъ

¹⁾ «Путешествіе русской миссіи», т. II, стр. 100.

²⁾ Тамъ-же, стр. 107.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1883 г., т. XI.

требовалось возвращеніе миссіи въ Ташкентъ, за исключеніемъ Яворскаго, которому предписывали остаться ухаживать за больнымъ эмиромъ, если эмиръ того пожелаетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же письмѣ было сказано: «не дай Богъ, если Ширъ-Али пожелаетъ пріѣхать въ Россію».

Между тѣмъ, это желаніе эмира съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе настойчивымъ.

Письмо генерала Кауфмана было сообщено Везиру, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, и несмотря на желаніе Разгонова прочесть его самому эмиру, это желаніе не было исполнено, и положеніе миссіонеровъ, которымъ передали ключи Индіи (увы! покуда только на словахъ) осталось столь же, если еще не болѣе двусмысленнымъ.

1-го января 1879 года, Ширъ-Али переѣхалъ въ Мазари-эль-Шерифъ, куда и прибылъ 5-го января съ подобающею торжественностью и при громѣ пушекъ. 6-го января, въ тотъ же Мазари-Шерифъ вернулось авганское посольство, сопровождавшее Столѣтова, съ конвоемъ изъ 10-ти казаковъ, подъ начальствомъ сотника Булацеля.

И вотъ тутъ-то началась исторія, которая, будучи рассказана совершенно точно, въ рукахъ опытнаго «бульварнаго» романиста могла бы составить превосходную главу сенсаціонно-историческаго романа о походѣ за ключами въ Индію.

Дѣло въ томъ, что съ возвратившимся посольствомъ эмиръ Ширъ-Али получилъ письмо отъ генерала Кауфмана, помѣченное 23-мъ декабря. Въ этомъ письмѣ было написано: «Вѣрите мнѣ, что пріѣздъ вашъ въ Россію только ухудшитъ положеніе дѣлъ». Въ другомъ же письмѣ, полученномъ вмѣстѣ съ этимъ, но помѣченнымъ 20-мъ декабря, эмиръ имѣлъ удовольствіе прочесть еще слѣдующее: «Имѣя положительное повелѣніе вашего Харета государя императора, я не могу выслать вашему высокостепенству войска наши. Будемъ надѣяться на лучшія времена въ будущемъ. Это въ рукахъ Божіихъ».

Получивъ эти письма, эмиръ назначилъ аудіенцію, въ которой среди преній дошелъ до такого гнѣва, что началъ держать къ генералу Разгонову такія рѣчи:

«Генераль Кауфманъ совѣтуетъ мнѣ заключить съ Англіей миръ. Да вѣдь если бы я хотѣлъ заключить этотъ миръ, то сдѣлалъ бы это и безъ чьего либо совѣта. Но вы вспомните, что говорилъ мнѣ генераль Столѣтовъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ не принимать англійскаго посла, и въ случаѣ войны обѣщаль мнѣ военную помощь. Въ томъ же духѣ онъ писалъ мнѣ и изъ Ливадіи. Теперь же, когда настало время исполнить свои обѣщанія, вы мнѣ говорите совершенно противное. Гдѣ правда? Кому же вѣрить? Я имѣлъ 20.000.000 дохода, государство для своей защиты имѣло 60.000 войска и мы жили мирно, не желая **ничего болѣе.**

«Но вотъ пришелъ русскій посоль, надавалъ кучу обѣщаній... Я со своей стороны отдалъ ключи отъ воротъ Индіи въ руки Россіи и подвергъ, вслѣдствіе этого, свое государство раззоренію. А вы... вы сами отказываетесь теперь отъ обладанія этими ключами».

На эти горькія рѣчи что могъ отвѣтить нашъ бѣдный посланникъ?..

— Пусть эмиръ-сайбъ не торопится заключеніемъ, сказалъ на это Разгоновъ. Но эмиръ торопился; онъ заговорилъ о безчестіи не только передъ друзьями и своимъ народомъ, но и передъ врагомъ.

«Что скажутъ мнѣ англичане, говорилъ Ширъ-Али:—что, помогли тебѣ русскіе? Мы тебѣ говорили, что Россія безсильна, что никакой помощи она дать не можетъ, а напротивъ, сама узнаетъ все наше могущество, если войска ея осмѣлятся переступить Аму!.. Вотъ теперь я убѣдился на самомъ дѣлѣ, что англичане были правы. Вы передъ ними школьники! Я же теперь не знаю, кто изъ васъ троиухъ говоритъ ложь: вы ли, генералъ Кауфманъ, или генералъ Столѣтовъ?»¹⁾

Какъ видите, сцена аудіенціи вышла совсѣмъ не дипломатическая, но, если видѣть въ эмирѣ авганскомъ только разгнѣваннаго повелителя и дикаря, пользующагося своимъ положеніемъ для заочнаго оскорбленія Россіи, то съ этою сценою, несмотря на ея рѣзкость, можно было бы еще помириться. Но вышло еще слѣдующее. На другой день, генераломъ Разгоновымъ было получено другое письмо къ эмиру, помѣченное также 23-мъ декабря и въ которомъ было написано:

«Государю императору угодно было повелѣть мнѣ пригласить ваше высокостепенство временно въ Ташкентъ. Радуюсь, что буду имѣть возможность лично познакомиться съ вашимъ высокостепенствомъ», и т. д.

Получивъ это приглашеніе пріѣхать, на другой день послѣ дружескаго совѣта не ѣхать, очевидно, правительство Ширъ-Али да и онъ самъ получили право уже болѣе ничему не вѣрить изъ того, что будетъ имъ сказано русскими.

Осторожно, съ соблюденіемъ приличія, по полученіи этого приглашенія, Везиръ спросилъ у Разгонова: нѣтъ ли у нихъ съ собою факсимиле или печати генерала Кауфмана?

Это просто значило, не поддѣлываютъ ли русскіе официальные письма писемъ? И что было отвѣчать бѣднымъ заброшеннымъ въ Афганистанѣ россиянамъ, если ихъ правдивый отвѣтъ:—ваше высокостепенство, просто канцелярія напутала!—не могъ быть понятъ правительствомъ эмира!

Между тѣмъ, для насъ, русскихъ, исторія объясняется совершенно просто. Джигитъ, посланный изъ Ташкента съ совѣтомъ не ѣхать, утромъ 23-го декабря нагналъ Булацеля, который отобралъ у него

¹⁾ «Путешествіе русской миссіи», т. II, стр. 148—150.

пакетъ и передалъ возвращавшемуся авганскому посольству. Между тѣмъ, вечеромъ 23-го былъ посланъ второй гонецъ, съ приглашеніемъ пріѣхать, которому было поручено отобрать у перваго гонца первое письмо и замѣнить его вторымъ. И этотъ гонецъ нагналъ Булацеля и потребовалъ у него привезенный первымъ гонцомъ пакетъ обратно; но такъ какъ у халатника не было предписанія, то конвоирующій авганцевъ сотникъ прогналъ джигита ѣхать своей дорогой, да и своего письма не отдалъ.

И такъ, весь этотъ позоръ обрушился на голову кабульскихъ аргонавтовъ изъ-за предписанія.

Но развѣ можно было всю эту російскую наивную простоту разъяснить разсерженному эмиру авганскому. Этого, конечно, и не пытался сдѣлать генераль Разгоновъ, самъ не менѣе эмира удивленный и раздосадованный этимъ «случайно случившимся случаемъ». Эмиръ, однако, съ этого времени очевидно сталъ издѣваться надъ нами. То онъ собирался выѣхать въ Ташкентъ, а ѣхалъ на охоту, или смотрѣлъ бой верблюжьихъ самцовъ, то озадачивалъ Разгонова такими рѣчами:

«А что, если по прибытіи въ Ташкентъ, генераль Кауфманъ скажетъ мнѣ: «зачѣмъ пріѣхалъ? Вѣдь я писалъ тебѣ, чтобы ты выждалъ болѣе удобное время для поѣздки?»—Что я тогда могу сказать ему въ отвѣтъ? Какими глазами я буду смотрѣть на божій свѣтъ, если по пріѣздѣ въ Ташкентъ, вы мнѣ скажете: «устраивайте свои дѣла сами, мы не можемъ вамъ ничѣмъ помочь!» Вѣдь мнѣ тогда останется одно: покончить съ собой! Вы видите ясно, что мнѣ необходимо здѣсь остаться»¹⁾.

Въ концѣ концовъ онъ, разумѣется, не поѣхалъ, но посольство отпустилъ, одаривъ каждаго члена двумя шалями и пославъ съ ними четырехъ авганцевъ и въ числѣ ихъ брата своего, долженствовавшихъ передать туркестанскому генераль-губернатору просьбу народа авганскаго о помощи противъ англичанъ. 19-го января миссія выѣхала домой, оставивъ въ Мазари-Шерифѣ доктора Яворскаго, переводчика Зааманъ-бека при 10-ти человѣкахъ казаковъ.

Нѣсколько дней ранѣе отъѣзда миссіи, эмиръ заболѣлъ ревматизмомъ какой-то подкожной мышцы, которая при неискusstвѣ его авганскаго доктора, поливавшего ногу холодной водой, вскорѣ перешла въ гангрену. Промучившись въ страшныхъ страданіяхъ до 8-го февраля, эмиръ умеръ въ безпамятствѣ вечеромъ, собираясь писать русскому императору, что докторъ Яворскій не хочетъ его вылечить. Между тѣмъ, положеніе доктора и его эскорта было истиннѣ ужасно. Едва спасшійся отъ отравы, которою угостилъ его соперникъ по медицинѣ Ахунъ, отравы, преподнесенной ему самимъ эмиромъ въ стаканѣ вина, онъ оказался послѣ смерти эмира въ положеніи чисто трагическомъ.

¹⁾ «Путешествіе русской миссіи», т II, стр. 177—78.

Едва вѣсть о кончинѣ повелителя Афганистана достигла города, какъ началось возмущеніе, и притомъ возмущеніе войскъ, такъ какъ сейчасъ же началась обычная на востокѣ борьба претендентовъ на осиротѣлый престолъ. Вначалѣ этого возмущенія, утромъ 9-го февраля, въ помѣщеніе доктора и его команды пришелъ Мосинъ-ханъ и сказалъ, что ему поручена забота о безопасности русскихъ. Въ это время, однако, лошади казаковъ начали добровольный постъ, такъ какъ отпускъ фуража прекратился; что же касается до положенія русскихъ, то опасное само по себѣ, оно сдѣлалось угрожающимъ, когда въ народѣ кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что эмиръ передъ смертію отдалъ доктору свои капиталы. Испугавшись возможнаго насилія, г. Яворскій послалъ Мосинъ-хана къ Лойнабу съ извѣстіемъ, что онъ думаетъ выѣхать изъ Мазари-Шерифа, и съ просьбою снабдить его конвоемъ. Въ то же время докторъ распорядился сборами. Но выѣхать при существовавшихъ обстоятельствахъ было дѣло не легкое. Лойнабъ прислалъ къ вечеру извѣстіе, что ранѣе конца траура по эмирѣ, т. е. ранѣе 3-хъ дней, онъ ничего для доктора сдѣлать не можетъ. Наступила ночь съ 9-го на 10-е. Мосинъ-ханъ остался почевать съ русскими, кругомъ дома стоялъ авганскій карауль, лошади были осѣдланы, но помѣщались на вѣшнемъ дворѣ, и при нихъ былъ оставленъ еще спеціальнй карауль изъ казаковъ.

Около 2-хъ часовъ по-полуночи, къ сѣвернымъ воротамъ дома подошла довольно многочисленная шайка взбунтовавшихся солдатъ и хотѣла пройти во внутренній дворъ помѣщенія. Авганскій карауль не допустилъ ихъ до этого. Несмотря на брань и угрозы, продолжавшіяся довольно долго, эти грабители ушли ни съ чѣмъ. Но вскорѣ нападеніе повторилось съ южной стороны, но и оно было отражено карауломъ авганцевъ. Однако упорство нападенія ихъ товарищей на домъ «каффира», которому эмиръ отдалъ свою казну, поколебало наконецъ стойкость самихъ защитниковъ и они рѣшили сами воспользоваться столь лакомою добычей, ввѣренной ихъ охранѣ. Одинъ только командовавшій карауломъ офицеръ былъ противъ такого безчестнаго грабежа и еще удерживалъ своихъ подчиненныхъ, но и это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока кто-то не принесъ извѣстія, что только что отступившая шайка мятежныхъ солдатъ напала и разграбила жилища русскихъ защитниковъ. Это извѣстіе было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія нашихъ охранителей. Они бросились къ дверямъ внутренняго двора, на которомъ находились помѣщенія русскихъ. Начальникъ караула и Мосинъ-ханъ бросились къ возмущившимся, но перваго встрѣтили оплеухами, а по второму было сдѣлано два выстрѣла, по счастью мимо. Ворвавшись на первый дворъ, солдаты завладѣли верховыми и вьючными лошадьми и, не найдя на нихъ ожидаемыхъ сокровищъ, бросились къ внутреннимъ воротамъ. Очевидно, посаженнымъ

оставалось только одно средство для предотвращения кровопролитія, а именно—выкупъ, средство, къ которому и прибѣгъ докторъ, раздавъ имѣвшіяся при немъ 1.000 руб. казенныхъ денегъ на руки всѣмъ казакамъ и поручивъ затѣмъ Мосинъ-хану умиротворить возмущившійся караулъ четырьмястами авганскихъ рупій. Не безъ труда Мосинъ-ханъ уговорилъ своихъ солдатъ взять деньги и не рисковать вступать въ бой съ русскими, у которыхъ ружья дѣлаютъ по 20 выстрѣловъ, въ то время когда авганское ружье сдѣлаетъ только одинъ. Деньги или послѣдній аргументъ подѣйствовали на убѣжденіе и совѣсть караула, но только по прошествіи нѣкотораго времени осада прекратилась, и даже послѣ нѣкотораго настоянія доктору Яворскому удалось выручить казачьихъ и своихъ лошадей, которыя были переведены во внутренній дворъ помѣщенія, откуда въ случаѣ большой опасности и новаго нападенія можно было черезъ проломъ въ стѣнѣ попытаться поискать спасенія въ бѣгствѣ.

Утромъ, въ виду тревогъ послѣдней ночи, Яворскій послалъ все того же Мосинъ-хана къ Лойнабу съ требованіемъ немедленно же позволить русскимъ оставить городъ, преданный грабежу и безначалію. Однако Лойнабъ самъ удралъ изъ города подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, и отъѣздъ доктора взялся устроить Мосинъ-ханъ и братъ покойнаго эмира Сердаръ-Нейкъ-Магометъ-ханъ. Оба эти лица настаивали на необходимости выѣхать изъ города ночью, иначе урусы могли рассчитывать на какую либо непріятность, если бы повстрѣчались съ войсками.

Въ городѣ, однако, втеченіе цѣлаго дня 10-го февраля раздавались постоянные ружейные выстрѣлы, причемъ иногда слышались залпы, и понятно, какъ жутко было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ дома доктору Яворскому и его небольшому отряду, когда кругомъ вездѣ носился признакъ насилія и смерти. Около двухъ часовъ невдалекѣ отъ дворца, занятаго остатками нашего посольства, раздалась особенно учащенная трескотня ружей. Это грабили домъ намѣстника, но при грабежѣ кавалерія не поладила съ пѣхотой и между ними завязался рукопашный и огнестрѣльный бой. Чтобы прекратить хоть чѣмъ нибудь насиліе, Сердаръ-Нейкъ-Магометъ-ханъ велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ и послалъ конныхъ герольдовъ по улицамъ и площадямъ объявить, что законная власть восстановлена, ибо Якубъ-Маметъ избранъ эмиромъ Афганистана, а его сынъ назначенъ правителемъ авганскаго Туркестана. Все это, разумѣется, стало извѣстнымъ впослѣдствіи, но слыша выстрѣлы наши плѣнники невольно хватались за ружья, ежеминутно ожидая нападенія, и приготавливались къ защитѣ. Наконецъ, тяжелый день началъ клониться къ вечеру, и русскіе стали приготавливаться къ походу. Возникъ вопросъ о неудобствѣ въ такія времена везти съ собой восемь выюковъ, и Мосинъ-ханъ посоветовалъ купить обыкновенныя переметныя сумы—«хаджары», а все громоздкое оставить покуда

на попеченіе авганской власти. Но хаджары не удалось достать, и все дѣло ограничилось кое какой замѣной восьми паръ сундуковъ только тремя парами. Очевидно, что при этомъ пришлось побросать много цѣннаго. Къ десяти часамъ пріѣхалъ Сердаръ съ конвоемъ изъ узбековъ, которыми опять пришлось командовать англичанину Мосинъ-хану. Съ великими предосторожностями выѣхалъ по пустыннымъ закоулкамъ русскій отрядецъ изъ города по шоссе, ежеминутно боясь быть настигнутымъ. Последнее опасеніе усиливалось еще тѣмъ, что одинъ изъ конвоировъ, Сары-джанъ, большой подлецъ и даже хуже, по мнѣнію Мосинъ-хана, скрылся, и заставилъ подозрѣвать погоню съ самыми дурными намѣреніями. Поэтому первые два часа отрядъ шелъ даже съ выюками рысью, и къ полуночи былъ уже въ 15 верстахъ отъ города.

Описаніе этой ночи, гдѣ одна опасность смѣнялась другой, сдѣлано въ книгѣ доктора Яворскаго очень живо, ничуть не хуже чѣмъ многое въ романахъ Купера и Понсонъ дю-Террайля.

12-го февраля, однако, всѣ благополучно достигли Патта Гюзара, на Аму-Дарьѣ, и здѣсь благородный авганецъ, столько хлопотавшій и пострадавшій за русскую миссію, на прощанье, прокричалъ уѣзжавшему въ лодкѣ доктору:

— Богъ да будетъ вамъ защитникомъ. Вы избѣжали неминуемой смертной опасности... Теперь время наступило дурное и жизнь каждаго виситъ на волоскѣ. Ну, прощайте, прощайте, счастливаго пути!

Такъ кончилась, и кончилась сравнительно очень счастливо, поѣздка русскаго Язона и его спутниковъ за ключами Индіи.

Заканчивая свой драматическій и интересный рассказъ, докторъ Яворскій считалъ нужнымъ въ короткихъ словахъ подвести итоги.

Но дѣйствительно ли такіе итоги нужны, дѣйствительно ли эти итоги, по внѣшности какъ будто и справедливые, на самомъ дѣлѣ будутъ вѣрны?

По нашему—нѣтъ. Положимъ, генералъ Столѣтовъ, прекрасный боевой офицеръ, какъ дипломатъ оказался ниже порученнаго ему дѣла и зарвался въ своихъ общаніяхъ эмиру выше всякихъ данныхъ ему полномочій. За всѣмъ тѣмъ эта ошибка лица, и она понятна послѣ сдѣланнаго ему приѣма и извинительна вообще для русскаго, послѣ полученія извѣстій о результатахъ берлинскаго конгресса, о которыхъ самъ сообщавшій туркестанскій генералъ-губернаторъ отзывался, что если телеграмма вѣрна, то эти результаты весьма печальны!

Гораздо труднѣе понять мелочи, а эти-то мелочи и погубили дѣло въ большей степени, нежели дипломатическая невоздержанность военнаго генерала, привыкшаго болѣе къ прямодушію нежели

къ лукавству. Нищенская обстановка посольства; двусмысленность и неопредѣленность данной ей задачи вообще, суконные халаты и канцелярскія неисправности въ частности, убили дѣло авганскаго посольства гораздо болѣе личныхъ промаховъ самого зарвавагося посла.

И при этомъ, конечно, вопросъ: для чего убили—остается безъ всякаго сколько нибудь понятнаго отвѣта. А вѣдь люди, вошедшіе въ составъ посольства, отъ генерала до послѣдняго казака, мучились, терпѣли и работали болѣе чѣмъ могли!

Нѣтъ, ужъ какіе тутъ итоги! Подобно тому какъ блистательнѣйшую кампанію послѣднихъ лѣтъ мы закончили берлинскимъ конгрессомъ, и изъ молодецкаго путешествія Столѣтова въ Кабуль мы не умѣли извлечь никакихъ полезныхъ результатовъ.

Поневолѣ подивисься еще разъ и еще разъ сердечно погорюешь выпавшей на русскую долю судьбѣ: совершать величайшіе подвиги и не умѣть извлекать изъ нихъ для себя никакихъ результатовъ.

В. П.

